

УДК 347.4

Тавров Евгений Константинович, магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

**УСТУПКА ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ
ЦЕЛЯХ: ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И СООТНОШЕНИЕ С
ЗАЛОГОМ ПРАВ**

Аннотация

Статья посвящена правовой квалификации уступки денежного требования в обеспечительных целях и её соотношению с залогом обязательственных прав. Выделяются две разновидности обеспечительной уступки: залоговая цессия и фидуциарная уступка. Анализируется реформа законодательства о факторинге 2018 года, в результате которой из ст. 824 ГК РФ исключено указание на обеспечительную цель уступки при сохранении регулирования её последствий в п. 2 ст. 831 ГК РФ. Обосновывается допустимость обеспечительной уступки как непоименованного способа обеспечения, однако подчёркивается, что к ней подлежат применению по аналогии закона императивные нормы залогового права.

Annotation

The article addresses the legal qualification of the assignment of a monetary claim for security purposes and its correlation with the pledge of obligatory rights. Two types of security assignment are distinguished: pledge assignment and fiduciary assignment. The 2018 reform of factoring legislation is analysed, as a result of which the reference to the security purpose of assignment was removed from Article 824 of the Civil Code while the regulation of its consequences in clause 2 of Article 831 was retained. Three doctrinal approaches to qualification are considered. The admissibility of security assignment as an unnamed method of securing obligations is substantiated, however it is emphasised that the imperative rules of pledge law are to be applied to it by analogy of law.

Ключевые слова: обеспечительная уступка, цессия, залог прав требования, титульное обеспечение, факторинг, притворная сделка, фидуциарная сделка, обеспечение исполнения обязательств.

Keywords: security assignment, cession, pledge of claims, title security, factoring, sham transaction, fiduciary transaction, securing the performance of obligations.

Термин «обеспечительная уступка» объединяет две конструкции, смешение которых служит источником значительной части доктринальных разногласий.

Первая – залоговая цессия, при которой стороны, именуя сделку уступкой, в действительности создают лишь обременение требования: право остаётся у cedentа, а цессионарий получает возможность обратиться на него взыскание при неисправности должника. Квалификационных затруднений эта конструкция не вызывает: перед нами залог права, и к нему подлежат применению ст. 358.1–358.8 ГК РФ независимо от наименования, избранного сторонами.

Вторая – фидуциарная, или полная, обеспечительная уступка. При ней требование переходит к цессионарию в полном объёме: во внешнем отношении, то есть для должника по уступленному требованию, цессионарий становится единственным кредитором. Однако во внутреннем отношении, связывающем его с cedentом, цессионарий стеснён обеспечительным соглашением: он обязуется осуществлять полученное право лишь в пределах обеспечительной цели, возвратить требование при погашении основного долга и передать cedенту всё полученное сверх обеспеченной суммы. Именно эта конструкция порождает проблему квалификации.

Разграничение названных моделей восходит к работам Л.А. Новоселовой, последовательно отграничивавшей залог права требования от обеспечительной цессии [5, с. 214–218]. С.В. Сарбаш квалифицирует полную обеспечительную уступку как фидуциарный способ обеспечения исполнения обязательств [8, с. 162–165]. Конститутивными признаками фидуциарной обеспечительной уступки выступают: полный переход требования во внешнем

отношении; внутренняя связанность цессионария обеспечительной целью; обязанность обратной уступки при отпадении этой цели; обязанность возврата излишка.

Представление о нормативной опоре обеспечительной уступки нуждается в уточнении. До 1 июня 2018 г. эта опора выглядела недвусмысленной. Абзац 2 п. 1 ст. 824 ГК РФ в прежней редакции устанавливал, что денежное требование к должнику может быть уступлено клиентом финансовому агенту также в целях обеспечения исполнения обязательства клиента перед финансовым агентом. Норма носила декларативный характер.

Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ, вступивший в силу 1 июня 2018 г., полностью переписал ст. 824 ГК РФ. В действующей редакции статья не содержит упоминания об обеспечительной цели уступки. Декларативная норма из закона исчезла.

Конструкция, однако, сохранилась в ст. 831 ГК РФ. Пункт 2 названной статьи в действующей редакции предусматривает, что если уступка денежного требования фактору осуществлена в целях обеспечения исполнения обязательства клиента, фактор обязан после получения исполнения от должника передать клиенту сумму, превышающую сумму обеспеченного уступкой долга. Тот же пункт закрепляет: обязательство клиента считается исполненным в объёме, в котором должник исполнил своё обязательство перед фактором; если полученные средства оказались меньше обеспеченного долга, клиент остаётся ответственным за остаток.

После реформы 2018 г. законодатель перестал декларировать допустимость обеспечительной уступки и ограничился регулированием её последствий. Конструкция, последствия которой закон регулирует столь подробно, не может считаться законом не допускаемой. Кроме того, содержание п. 2 ст. 831 ГК РФ показывает, что применительно к обеспечительному факторингу законодатель воспринял залоговую логику: автоматическое погашение долга в объёме полученного исполнения и обязанность возратить излишек.

Доктринальная дискуссия сводится к трём подходам.

Первый подход: обеспечительная уступка как самостоятельный непоименованный способ обеспечения. Он опирается на п. 1 ст. 329 ГК РФ, устанавливающий открытый перечень способов обеспечения, и на принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Допустимость обеспечительной уступки за рамками факторинга отстаивают В.В. Почуйкин [6, с. 112–118] и Е.Е. Шевченко. Р.С. Бевзенко включает обеспечительную уступку в категорию титульного обеспечения и доказывает, что акцессорность свойственна и титульным конструкциям [1, с. 45–52; 2, с. 23–30]. Фидуциарную природу таких конструкций исследует Е.Р. Усманова [9, с. 148–152].

Второй подход: обеспечительная уступка как притворная сделка, прикрывающая залог права. Поскольку § 3 гл. 23 ГК РФ урегулировал залог обязательственных прав, всё остальное представляет собой обход императивных норм, влекущий применение п. 2 ст. 170 ГК РФ. К этой позиции близки А.В. Егоров и Е.Р. Усманова [4, с. 89–95].

Третий подход: обеспечительная уступка допустима лишь в рамках факторинга. Наиболее последовательно его отстаивает Л.Ю. Василевская [3, с. 68–74]. Аргумент строится *a contrario*: если бы конструкция была общедопустимой, законодателю незачем было бы оговаривать её в гл. 43 ГК РФ. Возражение предложено С.В. Сарбашем: размещение нормы в специальной главе не означает, что она действует лишь в её пределах [8, с. 166].

Представляется обоснованным первый подход. Однако допустимость формы не означает допустимости любых последствий. Переквалификация обеспечительной уступки в залог по п. 2 ст. 170 ГК РФ создаёт риск так называемого конфискационного эффекта: стороны не соблюдали требования к содержанию договора залога (ст. 339 ГК РФ), поскольку залог заключать не намеревались, и в результате кредитор может лишиться и уступки, и залога. Более взвешенным представляется путь, при котором суд сохраняет форму уступки, но применяет к ней по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ)

императивные нормы залогового права, защищающие цедента и его кредиторов: правило п. 3 ст. 334 ГК РФ о недопустимости отказа от излишка и вытекающее из акцессорности (п. 4 ст. 329 ГК РФ) правило об автоматическом обратном переходе требования при прекращении обеспеченного обязательства.

Реформа 2018 г. изменила характер нормативной опоры: законодатель отказался от декларирования допустимости в пользу регулирования последствий. Это обстоятельство ослабляет аргумент об ограничении конструкции рамками факторинга.

Действительная уязвимость конструкции – в отсутствии публичности. Пока обеспечительная уступка остаётся скрытой, интересы иных кредиторов цедента защищены хуже, чем при залоге прав. Введение учёта в реестре уведомлений о залоге движимого имущества (по аналогии с п. 4 ст. 339.1 ГК РФ) могло бы снять основное возражение против конструкции и приблизить российское регулирование к функциональному подходу, принятому в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках.

Список литературы

1. Бевзенко Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 2. С. 9–87.
2. Бевзенко Р.С. Титульное обеспечение и доктрина акцессорности // Об обеспечении обязательств: сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша / сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева, 2017. С. 43–69.
3. Василевская Л.Ю. Обеспечительная уступка денежного требования: особенности правовой конструкции // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 68–74.
4. Егоров А.В., Усманова Е.Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 4. С. 56–127.
5. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003. 494 с.

6. Почуйкин В.В. Уступка права требования: основные проблемы применения в современном гражданском праве России. М.: Статут, 2005. 203 с.
7. Прошин А.А. Обеспечительная уступка требований: основные проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 17–25.
8. Сарбаш С.В. Основные черты обеспечительной уступки денежного требования в гражданском праве России // Гражданское право современной России / сост. О.М. Козырь, А.Л. Маковский. М.: Статут, 2008. С. 156–179.
9. Усманова Е.Р. Фидуциарная природа титульного обеспечения // Закон. 2016. № 2. С. 142–156.

References

1. Bevzenko R.S. An essay on the theory of title security // Civil Law Review. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 9–87.
2. Bevzenko R.S. Title security and the doctrine of accessoriness // On securing obligations: collection of articles for the anniversary of S.V. Sarbash / ed. by A.V. Egorov. Moscow: Alexeev Private Law Research Centre, 2017. P. 43–69.
3. Vasilevskaya L. The security assignment of a monetary claim: features of the legal construction // Russian Juridical Journal. 2015. No. 4. P. 68–74.
4. Egorov A.V., Usmanova E.R. Pledge and title security: a theoretical and practical comparison of constructions // Civil Law Review. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 56–127.
5. Novoselova L.A. Transactions on the assignment of a right (claim) in commercial practice. Factoring. Moscow: Statut, 2003. 494 p.
6. Pochuykin V.V. Assignment of a right of claim: main problems of application in modern Russian civil law. Moscow: Statut, 2005. 203 p.
7. Proshin A.A. Security assignment of claims: main problems // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 8. P. 17–25.

8. Sarbash S.V. Main features of the security assignment of a monetary claim in the civil law of Russia // Civil law of modern Russia / comp. by O.M. Kozyr, A.L. Makovsky. Moscow: Statut, 2008. P. 156–179.
9. Usmanova E.R. The fiduciary nature of title security // Zakon. 2016. No. 2. P. 142–156.